

## БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ КРЫМА ПРОТИВ ВРАНГЕЛЕВЩИНЫ

Приход Врангеля к власти был встречен трудящимися Крыма с нескрываемой ненавистью. „Хрен редьки не слаще“, — говорили рабочие Севастопольского порта, когда затевалась среди них беседа на эту тему.

Центром революционного движения в Крыму как и раньше был Севастополь. Рабочие этого города имели богатый опыт борьбы с оккупантами, интервентами, меньшевиками, троцкистами и эсерами в 1917, 1918 и 1919 годах. Подпольная коммунистическая организация имела огромное влияние среди рабочих порта, мастеровских и морзавода. Весь период господства Врангеля отмечен забастовками, продолжавшимися вплоть до прихода Красной Армии.

Экономика Крыма в то время пришла в полный упадок. Почти все ценное имущество было расхищено оккупантами и интервентами. Промышленность Крыма была парализована, важнейшие заводы и фабрики были разрушены. Посевная площадь сократилась на 60%. Цены на продукты неимоверно возросли. По признанию таврического губернатора реальная стоимость одного рубля по сравнению с 1914 годом равнялась 1/4 копейки<sup>1</sup>. В Крыму был голод. Количество безработных достигло небывалых размеров. В учреждениях процветало взяточничество и вымогательство.

<sup>1</sup> Исторический архив Крым. АССР, ф. Тавр. Губ. правления, д. № 389.

Буржуазия наживала огромные капиталы, занимаясь разнузданной спекуляцией. Спекуляцией занимались и офицеры. 1000 рублей николаевских продавались на бирже за 40 000 рублей врангелевских, фунт стерлингов стоил 32 000 рублей.

Врангель выпустил в обращение так называемые „билеты государственного казначейства главного командования вооруженными силами на юге России“. По существу эти деньги были фальшивыми, так как на них было напечатано, что „билеты государственного казначейства подлежат обмену на денежные знаки, имеющие быть выпущенными единым Российским Правительством“. Обещая создать свое белогвардейское Российское Правительство, которое и обменяет оные билеты на имеющие быть выпущенными деньги, Врангель наводил этими фальшивками Крым, ухудшив и без того невыносимо тяжелое положение трудящихся.

Что врангелевские деньги не пользовались доверием населения северной Таврии, косвенно признал и орган штаба Врангеля газета „Военный голос“. Так, в номере от 10 июня газета сообщила, что когда Чаплинку посетил генерал Врангель, то после военного парада и посещения местной церкви, его „встретила толпа крестьян, которая ходатайствовала об изъятии врангелевских денег и об отмене закона об уничтожении советских денег“<sup>1</sup>.

13 мая коллектив крымских владельцев металлообрабатывающих предприятий представил начальнику гражданского управления докладную записку<sup>2</sup> о состоянии своих предприятий. В записке указывалось, что „острота рабочего вопроса в связи с катастрофическим повышением цен на предметы питания достигла своего

<sup>1</sup> „Военный голос“ № 52 от 23(10) июня 1920 г.

<sup>2</sup> Исторический архив Крым. АССР, ф. Тав. губ. правления, д. № 389.

апогея. До 1 ноября 1919 года рабочий получал 60 рублей в день, сейчас к 27 апреля он получает 2230 рублей (в врангелевских дензнаках). При таких условиях приходится выпускать продукцию на рынок по баснословным ценам, в дальнейшем повышение цен заставит совершенно приостановить работы“.

В замыслы Врангеля, конечно, и не входила задача восстановления хозяйства Крыма. Необходимые промышленные изделия он получал из-за границы. За все время своего пребывания у власти врангелевцы не выстроили и не отремонтировали ни одного предприятия или даже здания. Больше того, существующие фабрики и заводы второстепенной важности умышленно закрывались. Врангель ненавидел трудящиеся массы, он инстинктивно боялся скопления большого количества заводских и фабричных рабочих в одном месте. Желая избавиться от рабочих, Врангель систематически отправлял их на фронт.

Безработица в Крыму к этому времени достигла огромных размеров. Она поразила и широкие круги интеллигенции. Этим положением воспользовались предприниматели, которые в целях снижения заработной платы кадровым рабочим стали использовать безработную интеллигенцию на своих предприятиях. Газета „Таврический голос“ сообщала своим читателям о том, что администрация одного предприятия наняла 60 курсисток для работы в плодосушилке и оплачивала их труд по 1000 рублей в день, в то время как кадровым рабочим предприниматели платили по 5—6 тысяч врангелевских рублей в день<sup>1</sup>.

В Севастополе буржуазия была еще откровеннее. Газета „Юг России“ поместила следующую заметку: „Для борь-

бы с явно ненормальными заработками грузчиков создана артель интеллигентных грузчиков<sup>1</sup>. Таким путем предприниматели пытались снизить заработную плату кадровым рабочим и парализовать забастовки. Артели так называемых интеллигентных рабочих фактически выполняли роль штрейхбрехеров. В некоторых городах таким артелям удалось сломить сопротивление рабочих. В Феодосии, например, забастовка портовых грузчиков закончилась неудачно, потому что кадровых работников заменили „интеллигентные грузчики“.

Забастовочное движение рабочих и служащих все ширилось. 2 мая рабочие Севастопольского порта предъявили требование об увеличении зарплаты на 116<sup>0</sup>/<sub>100</sub>. Ввиду отказа администрации удовлетворить это требование рабочие морского ведомства, военного порта, всех мастерских и транспорта „Кронштадт“ 3 мая объявили забастовку.

25 мая забастовали рабочие Симферопольского кожевенного завода, который работал на нужды белой армии. 29 мая забастовали все рабочие частных пекарен.

3 июня забастовали рабочие и служащие Евпаторийского уездного земства в связи с неуплатой жалования с апреля по июнь. 11 июля забастовали все служащие городского самоуправления. Забастовщиками был избран стачечный комитет, которому удалось склонить к забастовке рабочих и служащих ряда других предприятий и учреждений.

Забастовочное движение охватило Карасубазар и ряд других городов. В связи с этим были произведены аресты среди рабочих и кустарей.

На состоявшемся в Севастополе городском делегатском собрании представителей металлообрабатывающих пред-

<sup>1</sup> „Таврический голос“, № 262/412 от 9/VII 1920 г.

<sup>1</sup> „Юг России“ № 83, 276.

приятий было установлено, что причиной ухода рабочих с заводов является: „невозможность больше терпеть голодное существование и что рабочие предпочитают умереть у себя дома, а не за станком“. В заключение собрание потребовало освобождения всех арестованных рабочих<sup>1</sup>.

В Евпатории участники общегородского собрания рабочих и служащих потребовали выплаты заработной платы за 4 месяца (с марта по июль) и решили не приступать к работе до полного расчета<sup>2</sup>.

С бастующими рабочими Врангель расправился „по-военному“. В августе врангелевские власти в виде репрессии за забастовки насильно мобилизовали и отправили на фронт даже тех рабочих, которые по возрасту и состоянию здоровья не подлежали мобилизации. Первая группа таких „мобилизованных“ состояла из 58 бастующих рабочих автосборочных мастерских в Севастополе<sup>3</sup>.

С особой свирепостью Врангель обрушился на рабочие общественные организации. Специальным решением совета при главнокомандующем по рабочему вопросу было постановлено не создавать особой организации, занимающейся рабочим вопросом. Этими делами было поручено заняться управлению торговли и промышленности. Врангелем были разгромлены даже те рабочие организации, которым удалось уцелеть от деникинского террора (заводские комитеты, рабочие кооперативы, клубы, библиотеки, читальни, спортивные общества и т. д.). Барон разогнал даже расценочные комиссии, примирительные камеры и цеховые комитеты. Наем рабочих стал производиться без участия профсоюзов. На собра-

ния и лекции рабочим было запрещено собираться без специального на то разрешения контрразведки.

Кровавые репрессии обрушились на трудящихся. Ежедневно арестовывались без предъявления каких-либо обвинений сотни наиболее активных рабочих. Чтобы представить себе количество произведенных арестов, достаточно указать, что за один день 17 августа было арестовано 112 рабочих одного только Севастопольского Морского завода.

Протоколы Крымского профсоюза металлистов рисуют жуткую картину гонений и репрессий, организованных врангелевскими властями против рабочих организаций.

Говоря о деятельности профсоюза металлистов за истекший период, председатель собрания рабочих-металлистов Севастополя указал, что: „культурная работа среди членов профсоюзов металлистов затруднена тем, что рабочие боятся заходить в клуб почитать, послушать лекцию ввиду происходящих массовых арестов“. Закончил свою речь председатель собрания следующими ироническими словами: „Облава теперь на бродячих собак прекратилась, вследствие дороговизны рабочих рук и отсутствия средств у городской управы, но зато процветает облава на людей весьма успешно, и поэтому приходится, как говорят, царю природы позавидовать собачьей доле“<sup>1</sup>.

Враждебность населения к врангелевским властям доходила до крайности. Ненависть к белогвардейскому режиму проявлялась каждодневно и ежечасно. Обращает на себя внимание еще та смелость и откровенность, с какой рабочие выступали против белых, чувствуя поддержку подпольной коммунистической организации. Так,

<sup>1</sup> Архив Октябрьской революции Крым. АССР, ф. профсоюза металлистов, д. № 271, л. 5.

<sup>1</sup> Архив Октябрьской Революции Крым. АССР, ф. Севаст. порта, д. № 94.

<sup>2</sup> Архив Октябрьской Революции Крым. АССР, ф. Таврич. губ. управл. д. № 11.

<sup>3</sup> Архив Октябрьской Революции Крым. АССР, ф. профсоюзов, д. № 326, л. 399.

весной 1920 года А. Иваненко, жена севастопольского портового рабочего, приговоренного к смерти за якобы похищенный им уголь, в своем заявлении местным властям писала следующее: „Обращаю ваше внимание на то прискорбное явление, что таких маленьких людишек из рабочего класса, каковыми являются Иваненко и Агафонов, судят к смертной казни за ничтожную грошевую сумму, тогда как интеллигентов—образованных, толсто-суммных многомиллионных казнокрадов, каковыми являются миллионеры члены совещания в ставке—братья Рябушинские, Чаев, начальники, инженеры северного вагонно-докового завода и другие, даже не подвергаются задержанию и аресту и получают высшие назначения с высшим окладом жалования“<sup>1</sup>.

О росте революционных настроений среди широких трудящихся масс докладывали и агенты контрразведки. 9 июля начальник Керченского отделения контрразведки в своем докладе начальнику штаба главнокомандующего писал: что „местное население, особенно русское, не изжило еще окончательно большевизма“<sup>2</sup>.

Насколько трудно было местным властям сдерживать недовольство трудящихся масс, насколько обострились взаимоотношения между правителями и населением, видно из докладной записки городской и земской управ города Евпатории генералу Врангелю. В этой записке сообщалось следующее: „Нужда среди безработных столь велика, переживаемые безработными и их семьями лишения, усугубленные исключительной дороговизной предметов первой необходимости, столь значительны, что необходимо во что бы то ни стало найти выход и притом выход немедленный из создавшегося грозного положения.“

<sup>1</sup> АОР Крым. АССР. ф. Севастоп. профсоюзов, д. № 327, л. 31-32.

<sup>2</sup> Красный архив, том 26, л. 69.

Если в срочном порядке правительством и общественными организациями не будут приняты меры, которые в глазах рабочих масс явились бы наглядным доказательством внимательного и отзывчивого отношения власти и общества к их нуждам, то, конечно, нельзя поручиться за то, что глухое пока недовольство масс не выльется в какие-либо острые и болезненные формы“<sup>1</sup>.

Но безработица и нищета среди населения продолжали расти. До небывалых размеров увеличилась смертность от истощения, т. е. от голода. Многие кончали жизнь самоубийством. Таких фактов не могла скрыть даже правительственная газета, периодически помещавшая петитом в отделе „происшествия“ сообщения подобного содержания: „Вчера в Симферополе на Пушкинской улице возле театра „Лотос“ была подобрана мещанка Э. Л. Рудерман, 23 лет, отравившаяся карболовой кислотой. Причина отравления—отсутствие средств к жизни“<sup>2</sup>.

Усердные чиновники из кожи лезли вон, чтобы создать популярность Врангелю. 14 июля в Севастополе на Базарной улице в д. № 23 была открыта чайная, которой было торжественно присвоено имя генерала Врангеля. Как уверял орган штаба главнокомандующего газета „Военный голос“, в этой чайной ежедневно отпускалось бесплатно 400 порций чая с сахаром. Такая „щедрость“ была допущена потому, что во время чаепития выступали ораторы с речами „о сущности добровольческой армии и божественной миссии барона Врангеля“.

Несмотря на большую безработицу, острую нужду и голод, рабочие не польстились на бесплатный чай с сахаром и чайную имени Врангеля не посещали. Некото-

<sup>1</sup> Евпатор. городской архив, ф. № 29, д. 3773.

<sup>2</sup> „Таврич. голос“ № 352 от 18/X 1920 г.

рое время прославлявшие барона ораторы выступали в почти пустом помещении, а затем чайную пришлось закрыть.

Что касается положения крестьян в то время, то об этом можно судить хотя бы по таблице, опубликованной в буржуазной газете „Южные ведомости“. Эта газета уверяла, что число безземельных арендаторов достигло по Феодосийскому уезду—46<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, Евпаторийскому—63<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, по Симферопольскому—36<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, Перекопскому—59<sup>0</sup>/<sub>0</sub> и т. д.

Крестьяне отказывались платить налоги, отдавать помещику скопщину и т. д. Участились случаи умышленных повреждений телеграфных и телефонных проводов. Число крестьян, ушедших к партизанам, ежедневно возрастало.

Враждебность крестьянства к врангелевщине не могла быть не замеченной кадетами, которые в своей печати открыли кампанию за земельную реформу. Сущность внезапного беспокойства кадетов о судьбах крестьян хорошо видна из содержания передовых статей, опубликованных в то время.

Подготавливая общественное мнение к проведению земельного закона Врангеля, зная, что положение в деревне обостряется с каждым днем, редакция газеты „Таврический голос“ в передовой статье от 26 мая закончила свои рассуждения следующим требованием: „Земля в собственность крестьянам, иначе мы не выйдем из междоусобицы и захлебнемся в крови“<sup>1</sup>.

Другая газета монархического направления, выступив с рассуждениями на тему: „на кого должен опираться Врангель“, писала: „Будущность России—в создании многочисленного класса крепких земельных собственников. Осуществление этой мысли совместимо и обязательно с сохранением крупного, частного земле-

владения... Все слабое должно уступить место сильному. Выработываемый земельный закон Врангеля применим только по водворении порядка и завоевания нашей родины, ибо в противном случае это будет напоминать нам перестановку стульев в доме, который загорелся“<sup>1</sup>. Кадеты и монархисты, не покладая рук, заботились об интересах помещиков и кулаков.

25 мая ст. ст. был опубликован земельный закон Врангеля. Первая статья этого закона гласила: „всякое владение земель сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодия остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев“. Иначе говоря, земли помещиков были оставлены в их руках. Согласно этому закону крестьянин мог приобрести землю за выкуп в размере пятикратного в среднем за последние 10 лет урожая, который должен был вноситься равными частями в течение 25 лет, то-есть крестьянин обязан был ежегодно отдавать  $\frac{1}{5}$  урожая в течение 25 лет. Земельный закон Врангеля давал землю только эксплуататорам кулакам и поставил в совершенно безвыходное положение трудовую часть крестьянства. Попытка Врангеля умиротворить тыл, создав видимость разрешения земельного вопроса „в пользу“ крестьян, с треском провалилась. „Земля не предоставляется на разграбление деревенской массе, а уступается за плату хорошему хозяину. Принцип частной собственности должен быть укреплен, а не расшатан“, писала газета „Великая Россия“, орган Шульгина. Как трудящееся крестьянство встретило земельный закон Врангеля, хорошо видно даже из бело-

<sup>1</sup> „Тавр. голос“, № 226/576 от 26/V 1920 г.

<sup>1</sup> „Ялтинский вечер“ № 235 от 27/V 1920 г.

гвардейских газет. Так, 26 сентября в газете „Таврический голос“ была помещена заметка о том, что крестьяне дер. Бор-Чокрак, Ново-Романовки и других деревень отказались вносить скопщину в размере  $\frac{1}{5}$  урожая согласно врангелевскому земельному закону. На самом же деле не только крестьяне этих деревень, но все крымское трудящееся крестьянство было возмущено врангелевским земельным законом и отказывалось выполнять его.

После разгрома белой конницы у Каховки Врангель объявил мобилизацию 4000 лошадей для фронта. Но эта мобилизация не дала желаемых результатов, так как крестьяне решительно отказывались отдавать своих лошадей. Тогда для мобилизации лошадей были направлены карательные отряды. На помощь крестьянам пришли красные партизаны. Они нападали на карательные отряды, убивали стражников и отнимали забранных у крестьян лошадей.

У деревни Ай-Тодор отряд красных партизан напал на карательный отряд, отнял 76 крестьянских лошадей и роздал их нуждающимся крестьянам. Таких случаев было много. 3 сентября Врангель объявил повторную мобилизацию 1500 лошадей для фронта.

Как откликнулись крестьяне на эту мобилизацию, видно из постановления крестьян Байдарской и Деревкойской волостей, которые категорически отказались доставить своих лошадей на сдаточный пункт для фронта<sup>1</sup>.

Снова по всем уездам высылались военные отряды для изъятия у населения лошадей силой. Кроме этого, Врангель приказал с крестьян, отказавшихся предоставить своих лошадей фронту, взыскивать пятикратную стоимость лошади наивысшего качества. Обнаруженные лошади забирались безвозмездно.

<sup>1</sup> Исторический архив Крым. АССР, ф. Таврич. губернк. правл. д. № 627, л. 397.

В Джанкое местные извозчики выделили 15 представителей для ходатайства перед Врангелем о возвращении лошадей, забранных военными властями. Через несколько дней делегация вернулась только в составе 12 человек без единой лошади, оставив 3 своих товарищей в тюрьме.

Недовольство крестьян росло с каждым днем, мало-земельное, маломощное крестьянство лишалось земли, и оно было вынуждено наниматься в батраки к кулакам и помещикам. Многие крестьяне уходили в лес к партизанам, отряды которых увеличивались с каждым днем. Для отвлечения крестьян от революционного движения и для направления их внимания в сторону реформизма—врангелевские власти в июне организовали в Крыму „крестьянский союз России“. В этот союз вошли помещики, кулаки, ростовщики, которые и помимо этого союза были сплочены вокруг правительства Врангеля. Что касается массы трудового крестьянства, которую собирался одурачить Врангель, то оно с помощью большевиков быстро расшифровало классовую сущность этого союза и к этой затее отнеслось с подчеркнутым равнодушием. О настроении среди населения Крыма можно судить по секретному рапорту командира феодосийской контрразведки, сообщившего: „Все население участка может быть разделено на 3 группы: первая самая большая настроена большевистски, вторая, довольно небольшая, занимает выжидательную политику, третья—самая малая относится к власти, организованной русской армией, доброжелательно и готова ей подчиниться“<sup>1</sup>.

Помимо нового врангелевского закона трудовое население Крыма обиралось еще и иными методами. Так,

<sup>1</sup> Архив Октябрьской революции Крым. АССР, ф. судебно-следств. комиссии, д. 2, л. 24.

Управление финансов ввело монополию на соль. Продажа ее перешла исключительно в ведение казны, которая устроила ее стоимость и продавала по 3200 руб. за пуд.

Кроме этого Врангель приказал удерживать с крестьян, получающих плату за отбытие подводной повинности для нужд армии, все числящиеся за крестьянами недоимки, все казенные и земские сборы. Осенью Врангель распорядился взыскивать налоги, сборы и подати не деньгами, а хлебом.

10 мая Врангель разослал всем уездным начальникам и градоначальникам приказ следующего содержания: „Ввиду падения курса рубля предоставляется право градоначальникам и губернатору увеличить размер существующих налогов и установить новые виды налогов по их усмотрению“<sup>1</sup>. Этим приказом фактически устанавливалась ничем неограниченная власть местных уездных начальников над рабочими, крестьянами и кустарями. Этот приказ давал право волостным старшинам отнимать у крестьян последнюю корову или лошадь. С аукциона продавалось все ценное, что можно было только изъять у крестьян. Произвол врангелевцев в деревнях достиг таких размеров, что даже газета „Военный голос“ (орган штаба Врангеля) не могла скрыть этого. Она меланхолически сообщила: „Прибывшие в город крестьяне дер. Ново-Алексеевки рассказывали, что полицейские устраивали форменные грабежи в селах. Кроме того, что они обшарили сундуки и забрали все ценное, они еще уводили с собой лошадей, как будто временно, а потом по дороге хозяев сбрасывали с подвод. Крестьяне жаловались коменданту и генералу, стоящим вблизи села, но никакие меры не принимались“<sup>2</sup>. Более подробно о

<sup>1</sup> Исторический архив Крым. АССР, ф. Феодос. город. думы, св. 71, д. № 12.

<sup>2</sup> „Военный голос“ № 16 от 3 июня 1920 г.

том, что творилось в то время в деревнях, рассказывает полковник Бородин, которого также нельзя заподозрить в симпатиях к крестьянам.

„Надзиратели, стражники пьянствуют, дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение из-под ареста. Под арест сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с целью вымогательства. Приставы смотрят сквозь пальцы на преступные явления низших органов административной власти, сами участвуя в их попойках и в скрывании преступлений. Приставы, надзиратели, волостные старшины и старосты бездействуют и пристрастно относятся к зажиточным крестьянам, от которых можно кое-что получить „детямкам на молочишко“. Это вызывает у крестьян в лучшем случае безразличное, а в худшем ярко враждебное отношение вообще к власти генерала Врангеля.

Чиновники высокомерны, продажны, неспособны и бесчестны“, — отмечают в своих корреспонденциях представители иностранной печати. „Они ничего не поняли в совершившемся, и в их глазах старая жизнь возобновляется после некоторого перерыва. Многие из них не верят в успех Врангеля и смотрят на занимаемый им пост исключительно, как на источник доходов.

Население местностей, занятых частями Крымской (белой) армии, рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране. Приказы о пресечении грабежей были пустым звуком. При наблюдении того, что говорилось по деревням, и как власть реагировала на это, можно было только вынести одно заключение, что требование о прекращении грабежей было основано на желании кого-то убедить, что все благополучно. В действительности население, буквально, стонало от произвола комендантов, администрации, от полной беззащитности,

от распушенной, никем и ничем не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни не было никакой. Крестьянин был абсолютно бесправным существом, находился, можно сказать, „вне закона“.

Крестьяне, лишившись своих лошадей, оказались не в состоянии вспахать и засеять землю. Как видно из доклада Таврического губернского посредника по земельным делам начальнику управления земледелия, проходившие белые воинские части забирали встречавшихся крестьянских лошадей. Иногда лошади выпрягались прямо из телеги или плуга и угонялись на фронт, а крестьянину в лучшем случае оставляли больную, негодную лошадь. Страх перед реквизицией лошадей заставлял крестьян землю не вспахать.

На почве упорного сопротивления крестьянства врангелевским законам в деревне Ускут, произошел анекдотический случай с корреспондентом газеты „Таврический голос“. Крестьяне деревни Ускут отказались предоставить Врангелю молодежь для пополнения армии, выдать дезертиров и вообще отказались выполнять распоряжения врангелевских властей. Контрразведка выслала в Ускут карательный отряд, чтобы заставить крестьян выполнить все требования. Крестьяне встретили карательный отряд градом камней, ругательствами и насмешками. После двухдневного безрезультатного пребывания в Ускуте избитые и голодные белогвардейцы удалились из деревни в сопровождении местной татарской молодежи, которая шутками, свистом и криками „ур“<sup>1</sup> выражала радость по поводу одержанной победы над карательным отрядом.

Присутствовавший при этом корреспондент газеты „Таврический голос“ поспешил поместить в газету статью,

<sup>1</sup> Слово „ур“ на крымско-татарском языке означает — бей.

будто „крестьяне деревни Ускут встретили белогвардейский отряд с восторженными криками „ура“ и дали большое количество добровольцев“. Агент врангелевской контрразведки В. Головин, возмущенный наглостью и фантазией корреспондента, в своем рапорте генералу Врангелю от 24/VII писал следующее: „на самом деле — лучшего памфлета над отрядом нельзя было придумать, ибо единственная правда та, что население кричало ура, но не встречая отряд, а провожая его, действительно от радости, что им, ускутцам, сошло все благополучно, так как вся деревня не дала ни одного добровольца, ни одной лошади, ни одного дезертира, которые сотнями скрываются в деревне“<sup>1</sup>.

Протесты крестьян против белого режима выражались в разнообразных формах. Наиболее распространенным методом выражения протеста являлся отказ крестьян от платежа налогов. Недоимки достигли десятков миллионов рублей. Это заставило таврического губернатора графа Татищева 24 августа выступить с ходатайством об устранении „излишних формальностей при описи и продаже имущества неплательщиков налогов“. Ходатайство графа Татищева заканчивалось следующим замечанием: „Накопилась огромная сумма недоимок, которые не могут быть взысканы воззваниями и обращениями к гражданскому долгу“<sup>2</sup>.

Крестьяне деревни Корбек постановили не впускать белогвардейцев в свою деревню. Прибывший карательный отряд обстрелял население из пулеметов и арестовал 90 крестьян. Главный организатор выступления крестьян Смаил Аппаз был повешен, Смаил Назукчи, не выдержав

<sup>1</sup> Архив Октябрьской Революции Крым. АССР, ф. Госстражи, д. № 60, л. 11—17.

<sup>2</sup> Архив Октябрьской Революции Крым. АССР, ф. Тавр. губ. правл., д. № 407.



пытках, сошел с ума. Основная же группа арестованных крестьян просидела в тюрьме до прихода Красной Армии.

29 мая в Симферополе открылся съезд татарской буржуазии. Из избранных 44 человек явилось только 20. На этом съезде с речью выступил Врангель, обратившийся к делегатам с просьбой помочь ему в мобилизации солдат и лошадей для фронта. Закончил свою речь Врангель обещанием принять все расходы по съезду за счет правительства.

Что касается национально-культурной автономии для татарского народа, о которой Врангель и его помощники болтали без устали, и о чем мечтала холопствующая перед белогвардейцами татарская буржуазия, то и на сей раз по этому вопросу ничего вразумительного сказано не было.

9 сентября в Симферополе открылось второе совещание „крымских татар“, на которое прибыли представители духовенства и контрреволюционной буржуазно-националистической партии миллифирка. Они должны были „представлять“ татарский народ.

На совещание явились Таврический губернатор, представители министерства юстиции, просвещения и другие. С большой речью выступил Врангель. Он указывал на то, что татарская молодежь в белую армию не идет, а дезертирует и, что если татары будут упорствовать в дальнейшем, то он примет крутые меры. Закончил он свою речь следующим заявлением: пока татары не дадут солдат и не ликвидируют дезертирство на 100%, им не будет оказано ни в чем содействие. Затем он обратился к духовенству и мурзакам с просьбой повлиять на крестьян в этом отношении.

После речи Врангеля началось обсуждение проекта самоуправления татарского населения. Однако этот проект оказался для губернатора неприемлемым. По его мнению

в функции „татарского самоуправления“ могли входить лишь следующие вопросы: духовно-религиозные, вакуфно-финансовые, культурные, и право самообложения. Совещание закончилось, не приняв по этому вопросу никаких решений.

Но это, конечно, не мешало белогвардейской печати продолжать обманывать широкие массы трудящихся татар. В сентябре газета „Юг“ сообщила своим читателям, будто „работы особой комиссии, обсуждавшей вопросы о татарской автономии, закончились. Выработанное положение предоставляет крымским татарам автономии в вопросах культурных и религиозных. Избран руководящий состав из 60 человек от всего мужского татарского населения“<sup>1</sup>.

Продолжая обманывать общественное мнение о якобы достигнутом „соглашении с татарским народом“, белогвардейские газеты еженедельно помещали статьи о состоявшихся совещаниях правительства с представителями татарской буржуазии.

Почва под ногами Врангеля накалялась все более и более. Русские, украинские и татарские рабочие, трудящееся крестьянство ненавидели врангелевцев, энергично сопротивлялись мероприятиям белогвардейцев. Каждодневно врангелевцы сталкивались с фактами проявления сочувствия Советской власти со стороны трудового населения Крыма. Жестокие преследования, пытки и казни за сочувствие большевикам не могли сломить революционную решимость трудящихся Крыма. Подпольные коммунистические организации и красные партизанские отряды встречали самую широкую поддержку рабочих и крестьян. Революционное движение в Крыму разрасталось все шире.

<sup>1</sup> Архив Октябрьской революции Крым. АССР, ф. Тавр. губ. правл., д. № 407.